

DOI 10.23859/2587-8344-2020-4-3-4

Сергей Сергеевич Новосельский

Российский государственный гуманитарный университет
Москва, Россия
<http://orcid.org/0000-0002-2449-125X>
novoselsky.rggu@gmail.com

Sergei S. Novosel'skii

Russian State University for the Humanities
Moscow, Russia
<http://orcid.org/0000-0002-2449-125X>
novoselsky.rggu@gmail.com

Образ революции в российской политической мысли 1905 г.*

The Image of the Revolution in Russian Political Thought in 1905

Аннотация. Статья посвящена анализу трансформации понятия «революция» в российской политической мысли 1905 г. Показано, что в России, как и в Европе, существовало две трактовки этого термина. Некоторые современники считали революцией процесс политической модернизации и оценивали это явление положительно, в то время как их оппоненты расценивали ее как насильственное покушение на законную государственную власть и были убежденными противниками подобных действий. Эти установки определяли взгляды современников на события 1905 г. в России. Подавляющее большинство представителей высшей бюрократии и общественности, говоря о революции в России, имели в виду вооруженные антиправительственные выступления конца 1905 – начала 1906 гг. Их подавление означало конец «революции». Однако решения о кардинальном переустройстве системы государственного управления, принятые ранее на фоне событий, которые современники отнюдь не считали революцией, вселяли во многих надежду на то, что революция как переустройство в России будет продолжаться, и страна пойдет по пути системных политических реформ.

* Для цитирования: Новосельский С.С. Образ революции в российской политической мысли 1905 г. // *Historia Provinciae – Журнал региональной истории.* – 2020. – Т. 4. – № 3. – С. 799–833. DOI: 10.23859/2587-8344-2020-4-3-4

For citation: Novosel'skii, S. “The Image of the Revolution in Russian Political Thought in 1905.” *Historia Provinciae – The Journal of Regional History*, vol. 4, no. 3 (2020): 799–833, <http://doi.org/10.23859/2587-8344-2020-4-3-4>

Ключевые слова: революция, 1905 год, Первая русская революция, общественное мнение, политическая мысль, высшая бюрократия, русский консерватизм, русский либерализм.

Abstract. The article covers the analysis of the transformation of the concept *revolution* in Russian political thought in 1905. It shows that in Russia as well as in Europe, there were two interpretations of this term. Some contemporaries referred to the process of political modernization as a revolution and evaluated this phenomenon positively, while their opponents regarded it as a violent attempt on the legitimate state power and were antagonistic to such actions. These attitudes determined the views of contemporaries on the events of 1905 in Russia. Speaking of the revolution in Russia, the overwhelming majority of the top bureaucracy and general public had in mind the armed anti-government actions of the late 1905 – early 1906. Their suppression meant the ending of the revolution. However, the decisions on a radical reorganization of the public administration system, which had been made earlier against the background of the events that contemporaries did not consider as a revolution at all, inspired hope in many people that the revolution as reorganization in Russia would continue and the country would follow the path of systemic political reforms.

Keywords: revolution, 1905, the First Russian Revolution, public opinion, political thought, top bureaucracy, Russian conservatism, Russian liberalism.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 20-011-32192.

The study was funded by RFBR and EISR according to the research project No. 20-011-32192.

Введение

Несмотря на колоссальную роль событий 1905 г. в последовавшей за ними трансформации системы государственного управления Российской империи, Первая русская революция не входит в число излюбленных сюжетов современных российских историков. Во многом это объясняется инерцией советской исторической науки, которая на протяжении долгого времени исходила из идеи о неотвратимости революции. Провозглашение В.И. Лениным событий Первой русской революции «генеральной репетицией»¹ Октября 1917 г. надолго уравнило «сценарии» двух революций как в глазах профессионального сообщества²,

¹ Ленин В.И. Детская болезнь «левизны» в коммунизме // Ленин В.И. Полное собрание сочинений: в 55 т. Т. 41. – Москва: Политиздат, 1981. – С. 9.

² См., напр.: Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш., Дубенцов Б.Б., Дякин В.С., Потолов С.И. Кризис самодержавия в России. 1895–1917. – Ленинград: Наука, 1984; Королева Н.Г. Первая

так и в массовом сознании. Между тем эти «сценарии» сильно различались. Выявление характера внутривластного кризиса, с которым столкнулась Российская империя в 1905 г., невозможно без понимания того, как революционные события начала XX в. трактовались различными участниками политического процесса. Кризис не только отражал социально-политическую реальность, но и во многом являлся интеллектуальной конструкцией тех современников, которые были склонны подобным образом ее оценивать³. Изучение их взглядов, слов и выражений, которые использовались в правящих и общественных кругах для характеристики политической ситуации в России, помогает решить и другую, не менее актуальную для современной отечественной исторической науки задачу. Оно избавляет представителей российской власти и общества начала XX в. от тяжести вердикта, который историк, зачастую руководствуясь собственными политическими взглядами и предпочтениями, выносит своим «героям» с неоправданной резкостью⁴.

Попытки анализа рефлексии современников тех событий по вопросу о том, с какого момента можно говорить о внутривластном кризисе начала XX в. в России как о революции, в российской исторической науке только начинают предприниматься. К.А. Соловьев первым заметил, что в 1905 г. революцию «диагностировали» далеко не все представители высшей бюрократии и общественных сил⁵. Он же обратил внимание на то обстоятельство, что хронологические рамки Первой русской революции в оценках современников отнюдь не всегда совпадают с историографической традицией ее изучения⁶. Вопросом о «точке отсчета» Первой русской революции задаются и другие историки⁷. Значительный вклад в определение хронологических рамок Первой русской рево-

русской революция и царизм. Совет министров России в 1905–1907 гг. – Москва: Наука 1982; Первая революция в России: взгляд через столетие / ответственные редакторы А.П. Корелин, С.В. Тютюкин. – Москва: Памятники исторической мысли, 2005; Черменский Е.Д. Буржуазия и царизм в первой русской революции. – Москва: Мысль, 1970.

³ См.: Шелохаев В.В., Соловьев К.А. Кризис Российской империи как историографическая проблема // Российская история. – 2019. – № 2. – С. 142–145.

⁴ См.: Куликов С.В. Государственно-правовой дискурс, императорское правительство и думская оппозиция в начале XX века // Власть, общество и реформы в России (XVI – начало XX в.). Материалы научно-теоретической конференции (Санкт-Петербург, 8–10 декабря 2003 г.) – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет, 2004. – С. 283.

⁵ См.: Соловьев К.А. Высшая бюрократия и общественное мнение в первую русскую революцию // Революционаризм в России: символы и цвета революции. 100-летию первой русской революции посвящается: Сборник статей / ответственный редактор А.П. Логунов. – Москва: РГГУ, 2005. – С. 63–66.

⁶ См.: Соловьев К.А. Революция обуславливается «слабостью защиты, а не силой нападения» // Российская история. – 2016. – № 4. – С. 73–76.

⁷ См., например: Гросул В.Я. Когда началась революция 1905 года? // Российская история. – 2016. – № 4. – С. 78–81.

люции внесли зарубежные исследователи: А. Эшер связывал ее начало с ноябрьским земским съездом 1904 г. и «банкетной кампанией»⁸, а С. Харкейв считал, что революция завершилась с подавлением вооруженных восстаний в декабре 1905 г.⁹

И все же необходимость подходить к изучению понятия «революция» комплексно, исследовать не только то, как понимался этот термин, но и кто, когда и применительно к каким событиям использовал его, была констатирована в отечественной историографии сравнительно недавно¹⁰. Однако исследователь всегда рискует попасть в лингвистическую ловушку, поскольку

понятия, с которыми он работает и которые кажутся ему знакомыми, могут таить в себе неприменимость к конкретному историческому материалу¹¹.

А значит «расшифровка» этих понятий, выявление смыслов, которыми разделяли их современники, становятся важнейшими задачами для историка. К понятию «революция» в контексте событий 1905 г. в России это утверждение применимо в полной мере.

Основная часть

Термин «революция», впервые употребленный астрономами, приобрел близкое нам общественно-политическое звучание в Новое время. С тех пор оно наполнялось различным, иногда противоположным содержанием. Но несмотря на это, две фундаментальные концепции «революции», сформировавшиеся в западноевропейской политической мысли, зачастую дополняли друг друга.

Еще французские энциклопедисты утверждали, что «революция» предполагала установление *нового, более справедливого* порядка¹². Если же речь шла не о смене государственного устройства, а о радикальной трансформации общественного сознания, то этот процесс называли «мирной революцией умов». Ко-

⁸ См.: *Ascher A. The Revolution of 1905. 2 vols. Vol. I: Russia in disarray.* – Stanford, Cal.: Stanford University Press, 1988. – P. 100–101.

⁹ См.: *Harcave S. First blood. The Russian revolution of 1905.* – London: The Bodley head, 1964. – P. 245–247, 260–262.

¹⁰ См.: *Шелохаев В.В. Состояние современного историографического поля российского либерализма и консерватизма // На разные темы.* – Москва: РОССПЭН, 2016. – С. 411–412.

¹¹ *Скиннер К. Значение и понимание истории идей // Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории / составители Т. Атнашев, М. Велижев.* – Москва: Новое литературное обозрение, 2018. – С. 84.

¹² См.: *Бульст Н. и др. Революция (Revolution), бунт, смута, гражданская война (Rebellion, Aufruhr, Bürgerkrieg) // Словарь основных исторических понятий: Избранные статьи: в 2 т. Т. 1. / перевод с немецкого К. Левинсон, составители Ю. Зарецкий, К. Левинсон, И. Ширле; научный редактор перевода Ю. Арнаутова.* – Москва: Новое литературное обозрение, 2014. – С. 614–615, 619.

нечно, политическая «революция» почти никогда не обходилась без насилия. Однако оно было «сигналом свободы» и поэтому считалось оправданным¹³.

Понятия «революции» и «бунта» в рамках заявленной концепции не только не отождествлялись, но и противопоставлялись друг другу. «Быть “бунтовщиком” считалось плохо, а быть “революционером” – хорошо»¹⁴. У подобного взгляда на революцию, безусловно, были серьезные оппоненты. Они расценивали революцию как *насильственное* разрушение *законного* порядка и считали ее если не прямым синонимом бунта, то его естественным, логичным продолжением.

В российской общественной мысли второй половины XIX – начала XX в. были представлены обе трактовки понятия «революции», причем первая его интерпретация была характерна отнюдь не только для социал-демократов и народников. П.Н. Милюков применял эпитет «революционный» как в отношении проводившихся властью «крупных, прогрессивных мер», так и применительно к тем основополагающим для общества идеям, которые подталкивали правительство к проведению реформ, но пока еще не нашли фактического воплощения в государственной политике¹⁵. Не отрицая воистину исторического характера некоторых революционных преобразований, Б.Н. Чичерин все же был убежден, что революция – «это всегда насилие, а не право», в то время как дорога к свободе могла быть проложена не иначе, как законным путем¹⁶.

К концу XIX в. в России, вслед за европейской политической мыслью, под термином «революция» стали понимать совокупность политических и социальных волнений. По определению, данному в «Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона», революцией считался «полный <...> переворот во всем государственном и общественном строе страны»¹⁷. Такая революция должна была осуществляться молниеносно, ей обязательно предшествовало широкое общественное движение, а власть в результате ее осуществления должна была непременно перейти из одних рук в другие. Но фундаментальная особенность революции в данном понимании состояла в том, что «как бы быстра и внезапна, по-видимому» она ни была,

¹³ Бульст Н. и др. Революция (Revolution), бунт, смута, гражданская война (Rebellion, Aufruhr, Bürgerkrieg). – С. 620.

¹⁴ Бульст Н. и др. Революция (Revolution), бунт, смута, гражданская война (Rebellion, Aufruhr, Bürgerkrieg). – С. 524.

¹⁵ См.: Розенталь И.С. Революция // Российский либерализм середины XVIII – начала XX века: энциклопедия / ответственный редактор В.В. Шелохаев. – Москва: РОССПЭН, 2010. – С. 789.

¹⁶ Розенталь И.С. Революция. – С. 790.

¹⁷ Водовозов В.В. Революция // Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Энциклопедический словарь: в 86 т. Т. 26: Рабочая книжка – Резолюция. – Санкт-Петербург: Издательское дело, бывшее Брокгауз–Ефрон, 1899. – С. 437.

в действительности она всегда подготавливается десятилетиями, даже столетиями, и совершается только тогда, когда государственные формы не изменяются в соответствии с изменением экономических и иных общественных отношений, и вновь усилившиеся общественные классы не пользуются правами, соответствующими их положению¹⁸.

Такие изменения могли происходить как насильственным, так и ненасильственным путем.

Поэтому совершенно неудивительно, что долгое время никому не приходило в голову называть какие бы то ни было произошедшие в Российской империи события революцией. Однако тенденции, которые, как утверждал Р. Шартье, предшествовали Французской революции, наблюдались накануне 1905 г. и в российском общественном мнении. Рассуждая о реалиях Франции последней четверти XVIII в., историк говорил о

разочаровании широких кругов образованных людей, недоверии к авторитетам, обвинении в несчастьях общества того, кто осуществляет верховную власть, и питаемой многими надежде на то, что наступит новая эра¹⁹.

Параллели между французскими и российскими предреволюционными реалиями, очевидно, напрашивались. Современники пребывали в ожидании: одни – в тревожном, другие – в нетерпеливом.

Убийство 15 июля 1904 г. министра внутренних дел В.К. Плеве еще более накалило обстановку в стране. Отныне многие считали, что революция грозила России уже не в отдаленной, а в ближайшей перспективе. Характеризуя общие настроения в среде высшей бюрократии накануне 1905 г., П.В. Волобуев называл их предчувствием нарастания «революционного подземного гула»²⁰. Если «не удовлетворить вполне естественных желаний всех, то перемены будут и уже в виде революции», – настаивал в конце ноября 1904 г. П.Д. Святополк-Мирский, убеждая императора согласиться на осуществление предлагаемой новым министром внутренних дел программы реформ²¹. По свидетельству

¹⁸ *Водовозов В.В.* Революция. – С. 437.

¹⁹ *Шартье Р.* Культурные истоки Французской революции / перевод с французского О.Э. Гринберг. – Москва: Искусство, 2001. – С. 207.

²⁰ *Волобуев П.В.* 1905 год – начало революционных потрясений XX века в России // 1905 год – начало революционных потрясений в России XX века: материалы международной конференции / ответственный редактор П.В. Волобуев. – Москва: [б.и.], 1996. – С. 8.

²¹ Цит. по: *Соловьев К.А.* В ожидании Реформы: власть и общество накануне января 1905 г. // Народ и власть: взаимодействие в истории и современности: сборник научных трудов. Вып. 2. / ответственный редактор И.В. Михеева, Ф.А. Селезнев. – Нижний Новгород: Растр, НИУ ВШЭ, 2015. – С. 363.

А.С. Суворина, «боялся весны» и С.Ю. Витте²². А стоявший у истоков создания «Союза Освобождения» В.Я. Богучарский был абсолютно убежден в том, что грядущие события в России не будут уступать по масштабу Французской революции²³. И эта перспектива его совершенно не пугала.

События развивались стремительно, но очень немногие современники были склонны считать Кровавое воскресенье политическим бунтом²⁴. Некоторые, подобно Л.А. Тихомирову, поначалу реагировали на события 9 января 1905 г. в Петербурге крайне эмоционально²⁵, но с течением времени пересматривали свои оценки²⁶. Правые же, если и писали о «революции», то зачастую имели в виду не политическую ситуацию, а представителей радикальной оппозиции. Не случайно видный консервативный публицист К.Н. Пасхалов назвал восстание на броненосце «Князь Потемкин-Таврический» «одесским погромом под руководством еврейской революции»²⁷. И лишь единицы полагали, что революция России не угрожала, а размах деятельности революционного движения был сильно преувеличен. Дестабилизацию политической обстановки в империи эти немногие общественные деятели объясняли исключительно активностью «зарубежной революционной партии»²⁸.

Внутриполитический кризис не определяли как революцию и в правительственных кругах. На протяжении большей части 1905 г. для его обозначения пользовались другим термином – «смута». Говоря о ней, современники могли иметь в виду как подпадавшие под действие Уголовного уложения политические правонарушения²⁹, так и общую характеристику кризиса взаимоотношений власти и общества, который ассоциировался у них со Смутным временем. В обоих случаях термин «смута» имел резко негативную окраску. И все же

²² См.: *Богданович А.В.* Три самодержца. Дневники генеральши Богданович. – Москва: Вече, 2008. – С. 256.

²³ См.: *Соловьев К.А.* В ожидании Реформы: власть и общество накануне января 1905 г. – С. 362.

²⁴ См.: *Киреев А.А.* Дневник. 1905–1910 / составитель К.А. Соловьев. – Москва: РОССПЭН, 2010. – С. 22.

²⁵ «В Петербурге форменная революция...», – записал в дневнике 10 января 1905 г. Л.А. Тихомиров (Дневник Л.А. Тихомирова. 1905–1907 гг. / составители А.В. Репников, Б.С. Котов. – Москва: РОССПЭН, 2015. – С. 37).

²⁶ Уже весной 1905 г. Л.А. Тихомиров полагал, что революция в России была возможна лишь в перспективе и только в том случае, если власть пойдет на осуществление конституционных реформ (Дневник Л.А. Тихомирова. 1905–1907 гг. – С. 67, 72, 100).

²⁷ *Пасхалов К.Н.* Сборник статей, воззваний, записок, речей и проч. Март 1905 – Август 1906 г. – Москва: [Б.и.], 1906. – С. 91.

²⁸ См.: *Павлов Н.М.* О значении «выборных» по русскому народному воззванию. – Харьков: Типография губернского правления, 1905. – С. 15–16.

²⁹ См.: Новое уголовное уложение, Высочайше утвержденное 22 марта 1903 года. – Санкт-Петербург: Издательство В.П. Анисимова, 1903. – С. 50–57.

«смутьяны» не ставили под сомнение легитимность верховной власти, не покушались на нее открыто. Поэтому в логике российской общественно-политической мысли начала XX в. смута могла предшествовать революции, но не была тождественна ей.

Голоса представителей высшей бюрократии, убежденных в том, что впору было говорить не о смуте, а о самой настоящей революции, поначалу были единичными. 11 февраля 1905 г. на заседании Совета министров Государственный контролер П.Л. Лобко, не произнося вслух слова «революция», утверждал, что «не преобразовательную цель имеют волнения – устранить самодержавие. Власть господствующих классов»³⁰. Особая опасность заключалась в том, что происходившие в стране события, с точки зрения П.Л. Лобко, демонстрировали признаки не только политической, но и социальной революции.

Называя крестьянские выступления и волнения земских врачей Балашовского уезда Саратовской губернии «революционными проявлениями»³¹, П.А. Столыпин одним из первых экстраполировал эпитет «революционный» не только на нелегальные политические объединения, но и на события в губернии в целом. Подобной терминологии летом 1905 г. придерживались и отдельные представители столичной бюрократии. Будучи убежден, что Россия переживала революцию, А.Н. Куломзин уверял управляющего делами Комитета министров барона Э.Ю. Нольде в том, «что она уляжется, как только соберется Дума»³². И тот был полностью согласен со своим корреспондентом³³. Уверенность в том, что созыв народного представительства положит конец революционному кризису не покидала многих общественных деятелей даже в декабре 1905 г., когда ситуация в ряде районов империи уже вышла из-под контроля властей³⁴.

³⁰ Заседания Совета министров 3 и 11 февраля 1905 г. в записях Э.Ю. Нольде / вступительная статья и публикация Р.Ш. Ганелина // Археографический ежегодник за 1989 год. – Москва: Наука, 1990. – С. 300.

³¹ См.: Революция 1905 года и самодержавие / Подготовила к печати В.П. Семенникова, предисловие А.М. Панкратовой, примечания М.И. Ахун и В.А. Петрова. – Москва, Ленинград: ГИЗ, 1928. – С. 99.

³² Письма к Э.Ю. Нольде Куломзина А.Н., члена Гос. совета, статс-секретаря, о проекте законосовещательной («Булыгинской») думы, создании «Союза союзов», возникновении рабочих кружков и др. событиях лета 1905 г. 14–27 июля 1905 г. // Российский государственный исторический архив (РГИА). – Ф. 727. – Оп. 2. – Д. 193. – Л. 3.

³³ Письма Нольде Э.Ю., бар., управляющего делами Комитета министров, Куломзину А.Н. о заключении мира с Японией, надежде на позитивные перемены; о лечении в Карлсбаде, планах возвращения в Петербург и последующей поездки на Кавказ; о целесообразности продолжения работы Сибирского комитета; о заседаниях Особых совещаний под председательством Сольского Д.М. 27 августа–24 сентября 1905 г. // РГИА. – Ф. 1642. – Оп. 1. – Д. 396. – Л. 1 об.

³⁴ 5 декабря 1905 г. в ходе Царскосельских совещаний барон П.Л. Корф заявлял, что «созыв Государственной думы – это конец революции». См. Протоколы царскосельских со-

Неизбежная в случае создания Государственной думы трансформация системы государственного управления в глазах многих сановников не таила в себе угрозы эскалации антигосударственного насилия. Ряд представителей правомонархической оппозиции, напротив, считали саму постановку вопроса о созыве в России народного представительства предвестником революции. Еще в середине июля 1905 г. К.Н. Пасхалов в одной из своих статей именовал авторов проекта Булыгинской думы не иначе, как «революционными группами»³⁵. Власть реагировала на это спокойно. Так, министр внутренних дел А.Г. Булыгин полагал, что политический радикализм был не свойственен «русскому национальному характеру»³⁶. А потому опасений в том, что Дума станет рупором революционной пропаганды, у разработчиков ее проекта летом 1905 г. не возникало.

Сторонники необходимости скорейших политических реформ призывали власть действовать решительно. 1 июня 1905 г. А.А. Клопов буквально требовал от Николая II их осуществления:

...нам грозит революция снизу, надо произвести ее сверху. Нам революционная партия обещает свободу, порядок, законность, надо дать их с высоты престола³⁷.

В этом призыве ярко проявился уже ставший традиционным для российской общественной мысли дуализм в понимании революции. Те общественные силы, которые требовали от власти проведения политических реформ, руководствовались *позитивной концепцией* революции и настаивали на том, чтобы император и его окружение смирились с естественным, по их мнению, ходом вещей и придали справедливым притязаниям общественности силу закона. Единственный шанс для власти избежать *негативного* сценария – попытки насильственного осуществления радикалами государственного переворота – виделся многим современникам в том, чтобы в Петербурге не просто «скрепя сердце» приняли *позитивную* революцию, но и смогли ее возглавить.

Правые отреагировали на эти требования незамедлительно. Однако их взгляды на фоне эскалации в 1905 г. в России революционного кризиса не отличались последовательностью. Происходившее стало для них настолько силь-

вещаний (1905–1906 гг.) // Русский конституционализм: от самодержавия к конституционно-парламентской монархии: Сборник документов / авторы-составители А.В. Гоголевский, Б.Н. Ковалев. – Москва: Юристъ, 2001. – С. 47).

³⁵ Пасхалов К.Н. Сборник статей, воззваний, записок, речей и проч. Март 1905–Август 1906 г. – С. 93.

³⁶ Соображения Министра Внутренних Дел о порядке осуществления рескрипта 18 февраля 1905 г. 14 июня–29 июля 1905 г. // РГИА. – Ф. 1544. – Оп. 1. – Д. 1. – Л. 10 об. (Дело Совещания для обсуждения положений Рескрипта 18 февраля 1905 г. Ч. 1.)

³⁷ Тайный советник императора / авторы-составители В.М. Крылов, Н.А. Малеванов, В.И. Травин. – Санкт-Петербург: XXI век, 2002. – С. 353.

ным шоком, что с трудом поддавалось теоретическому осмыслению. Хотя, очевидно, что к этому осознанно стремились тогда немногие консерваторы. Они болезненно реагировали на стремительную трансформацию политической реальности, громогласно ее осуждали, но чувствовали себя бессильными что-либо изменить. Поэтому многие общественные деятели правого толка в 1905 г. «путались в показаниях», попеременно называя происходившие в стране события то революцией, то смутой³⁸.

К осени 1905 г. внутривластная ситуация в России обострилась до предела. Представители местной администрации то и дело направляли в Петербург записки и письма с предостережениями, нисколько не стесняясь открыто говорить в них о том, что стране грозила «революция»³⁹. А некоторые придворные считали «революцию» свершившимся фактом⁴⁰.

Но само слово «революция», которое сановниками уже напрямую произносилось в частных беседах⁴¹, на уровне официального делопроизводства оставалось табуированным. В крайнем случае упоминалось о «беспорядках»⁴², кото-

³⁸ В середине июля 1905 г. В.А. Грингмут уверенно говорил о том, что «революция у нас не только возможна, но уже и началась!» (Собрание статей Владимира Андреевича Грингмута. Политические статьи: Выпуск III–IV. – Москва: Университетская типография, 1910. – С. 240). А уже в первой половине октября главный редактор «Московских ведомостей» уверял своих читателей, что революция в России была возможна лишь «при совершенно невероятных условиях» – полном попустительстве властей в борьбе с революционным движением и антиправительственной пропагандой (Собрание статей Владимира Андреевича Грингмута. Политические статьи: Выпуск III–IV. – С. 289).

³⁹ «Все ближе и грознее надвигается на Россию кровавый призрак революции со всеми ее ужасами и бедствиями», – отметил 9 октября 1905 г. во всеподданнейшей записке Киевский, Подольский и Волынский генерал-губернатор Н.В. Клейгельс. (Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Ф. 543. – Оп. 1. – Д. 576. – Л. 88).

⁴⁰ Незадолго до подписания императором Манифеста 17 октября А.А. Киреев с горечью записал в дневнике, что «революция разъела весь наш организм». (Киреев А.А. Дневник. 1905–1910. – С. 102).

⁴¹ Широко известны слова С.Ю. Витте, произнесенные им 21 сентября 1905 г. на одном из «домашних совещаний» у Д.М. Сольского: «Враги правительства сплочены и организованы. Дело революции быстро продвигается. Мы находимся сегодня уже в том положении, в котором находилось французское правительство через год после созыва Генеральных штатов, и никакого плана, никакой твердости в отпоре революционного движения мы не имеем» (Цит. по: *Половцов А.А. Дневник. 1893–1909* / составитель О.Ю. Голечкова. – Санкт-Петербург: Алетейя, 2014. – С. 471).

⁴² Так Д.Ф. Трепов охарактеризовал ситуацию в Москве в разгар Октябрьской всероссийской политической стачки (См.: *Революция 1905–1907 гг. в России: документы и материалы. Всероссийская политическая стачка в октябре 1905 года: в 2 ч. Ч. 1* / под редакцией Л.М. Иванова, А.М. Панкратовой, С.Н. Валка, Н.А. Мальцевой и И.С. Смолина. – Москва; Ленинград: Издательство АН СССР, 1955. – С. 429).

рые в ряде областей империи признавались властями «значительными»⁴³. Пройдет немногим более месяца, и о том, что Россия переживает самую настоящую «революцию» в лучших традициях 1789 г. во Франции, представители высшей бюрократии станут говорить монарху в лицо⁴⁴. И все же слово «революция» в 1905 г. так и не появилось на страницах ни одного манифеста или указа, подписанного Николаем II.

Не только император, но и некоторые современники были убеждены в том, что даже в октябре 1905 г. страна еще не столкнулась с революцией.

И.И. Петрункевич уже в эмиграции вспоминал:

...столица империи гудела как огромный пчельник в знойный летний день, и вся атмосфера города была пропитана революционным брожением», а «признаки приближающейся революции или какого-нибудь взрыва были очевидны для всех, за исключением лишь тех, кто не хотел ничего видеть»⁴⁵.

И хотя сам взрыв еще не прогремел, ждать его оставалось совсем недолго.

Возлагавшиеся сановниками надежды на успокоительный эффект Манифеста 17 октября не оправдались. Вооруженные восстания, которые вспыхивали в различных областях страны, тоже не добавляли правительству уверенности в собственных силах. В этой обстановке инициативу в свои руки взял новый министр внутренних дел П.Н. Дурново. 25 ноября 1905 г. он прямо сказал управляющему канцелярией возглавляемого им ведомства Д.М. Любимову: «Мы уже перешли из смуты в революцию»⁴⁶, одним из первых определив рубеж качественной трансформации внутривластного кризиса в России событиями ноября 1905 г. На схожие обстоятельства пятью днями позже указывал губернатору в своем прошении об отставке саратовский городской голова А.О. Немировский:

Ведь страшное, ужасное время переживаем мы! Это освободительное движение, начавшееся со столь благородных позывов, вырождается в какой-то хаос, в горячечный бред, в мрачную диктатуру безумцев, опирается на невысокие инстинкты несчастной темной и полуголодной массы. И где остановится это движение, чем завершится!

⁴³ Революция 1905–1907 гг. в России: документы и материалы. Всероссийская политическая стачка в октябре 1905 года: в 2 ч. Ч. 2. – С. 243.

⁴⁴ Протоколы царскосельских совещаний (1905–1906 гг.). – С. 49.

⁴⁵ *Петрункевич И.И.* Из записок общественного деятеля. Воспоминания / под редакцией профессора А.А. Кизеветтера // Архив русской революции: в 22 т. Т. 21. – Москва: Terra, 1993. – С. 410, 397.

⁴⁶ *Любимов Д.Н.* Русское смутное время. 1902–1906. По воспоминаниям, личным заметкам и документам / Вступительная статья и комментарии К.А. Соловьева. – Москва: Кучково поле, 2018. – С. 312.

Ведь нет ничего отвратительнее разбушевавшегося хама, нет ничего страшнее со-
рвавшегося, но еще с веревкой на шее рыскающего раба⁴⁷.

Не это ли было началом самой что ни на есть *насильственной* революции?

Примечательно, что схожий «диагноз» российскому внутривластному кризису практически одновременно поставили и сановники, и представители общественности. Если весной и летом 1905 г. авторы записок, поступавших на рассмотрение Совета министров во исполнение Указа Правительствующему Сенату от 18 февраля 1905 г., оценивали кризис, как «смуту», «брожение», «крамолу», писали о постигших страну «тяжких потрясениях» и «внутренних неурядицах», а в крайнем случае предупреждали власть об «угрожающей (курсив мой. – С. Н.) стране революции»⁴⁸ и «жакерии»⁴⁹, то в ноябре тональность их высказываний резко изменилась. Отныне корреспонденты председателя Совета министров С.Ю. Витте прямо называли происходящее в России революцией, причем речь шла уже не только о политической⁵⁰, но и об аграрной революции⁵¹.

Премьер полностью разделял тревогу общественности. С.Ю. Витте был убежден, что главный страх бюрократии – социальная революция, проникшая «уже в массу народа, вне городов» – стал реальностью, и докладывал об этом императору 5 декабря 1905 г. в ходе Царскосельских совещаний⁵². И вновь в

⁴⁷ Письмо Столыпину П.А. Немировского А.О., саратовского городского головы, об отношении к революционным событиям 1905 г. и намерении подать в отставку. 30 ноября 1905 г. // РГИА. – Ф. 1662. – Оп. 1. – Д. 195. – Л. 1 об.

⁴⁸ Записки, письма и предположения разных лиц и организаций о государственных преобразованиях и мерах борьбы с революционным движением, присланные во исполнение указа 18 февраля 1905 г. и оставленные без последствий. 1 мая–10 июня 1905 г. // РГИА. – Ф. 1276. – Оп. 1. – Д. 20. – Л. 97 об.

⁴⁹ Записки, письма и предположения разных лиц и организаций о государственных преобразованиях и мерах борьбы с революционным движением, присланные во исполнение указа 18 февраля 1905 г. и оставленные без последствий. 8 февраля–6 декабря 1905 г. // РГИА. – Ф. 1276. – Оп. 1. – Д. 12. – Л. 151.

⁵⁰ Записки и письма разных лиц о созыве Гос. думы, о расширении гражданских прав населения и предоставлении рабочим права иметь представительство в Думе. 18 октября–12 ноября 1905 г. // РГИА. – Ф. 1276. – Оп. 1. – Д. 30. – Л. 37 об.; Переписка председателя Совета министров с разными лицами по разным вопросам: о революционном движении в стране, о государственных преобразованиях в России, о выборах в Гос. думу, о возобновлении занятий в высших учебных заведениях, по аграрному вопросу и по др. 14 апреля 1905–3 февраля 1906 гг. // РГИА. – Ф. 1276. – Оп. 1. – Д. 164. – Л. 45.

⁵¹ Переписка председателя Совета министров с разными лицами по разным вопросам: о революционном движении в стране, о государственных преобразованиях в России, о выборах в Гос. думу, о возобновлении занятий в высших учебных заведениях, по аграрному вопросу и по др. 14 апреля 1905–3 февраля 1906 гг. // РГИА. – Ф. 1276. – Оп. 1. – Д. 164. – Л. 46 об.

⁵² См.: Протоколы царскосельских совещаний (1905–1906 гг.). – С. 49.

официальных документах (на этот раз – в выпущенном 9 декабря 1905 г. правительственном сообщении) даже такие масштабные акты антигосударственного насилия, как вооруженное восстание в Москве, назывались лишь «волнениями» и «беспорядками», но отнюдь не «революцией»⁵³.

Эффект, который декабрьское восстание в Москве оказало на российское общество, трудно переоценить. «Очагом революции» называл Москву видный публицист А.В. Еропкин⁵⁴. Но и он считал революцию локальным явлением, которому не удалось распространиться по всей территории империи⁵⁵.

Представители консервативного направления общественной мысли, разумеется, считали события конца 1905 г. «революцией». Эта болезнь, по их мнению, охватила не только идейных противников самодержавия, но и представителей властных и общественных кругов.

Мне иногда кажется, что мы все революционеры. У нас нет твердой почвы под собой, нет веры и нет Бога, в которого следует веровать. А у революции есть вера, и сочувствие она находит среди чиновников, профессионалов, ремесленников, приказчиков, рабочих и проч. и проч. Революцию никто не считает таким врагом, как нашествие иноплеменных, и пробудить против нее патриотическое чувство – мудреное дело,

– писал по этому поводу председателю Совета министров 19 декабря 1905 г. А.С. Суворин⁵⁶.

Завершение революции связывалось в правительственных кругах с успешным подавлением вооруженных выступлений в Москве и на окраинах империи. Воплощение силового сценария преодоления революционного кризиса, решающую роль в реализации которого сыграл П.Н. Дурново, внесло свои коррективы в оценки сановниками ситуации в стране. Термин «революция», так ни разу и не упомянутый в законодательных актах, к февралю 1906 г. больше не встречался и в текстах всеподданнейших докладов и меморий Совета министров. Отныне в чиновничьих кругах Петербурга вновь (как и летом 1905 г.) заго-

⁵³ См.: Революция 1905 года. Материалы и официальные документы / под общей редакцией и с предисловием В.И. Невского. – Харьков: Пролетарий, 1925. – С. 332.

⁵⁴ *Еропкин А.В.* Записки члена Государственной думы: Воспоминания. 1905–1928 / вступительное слово и комментарии К.А. Соловьева. – Москва: Кучково поле, 2016. – С. 26.

⁵⁵ По свидетельству А.В. Еропкина, революция «не успела охватить более широкий район, и в то время как в Москве строились баррикады (на знаменитой Пресне) и лилась кровь, в Рязани, в расстоянии 160 верст, лишь с тревогой прислушивались к тому, что творится в Белокаменной» (*Еропкин А.В.* Записки члена Государственной думы: Воспоминания. 1905 – 1928. – С. 27).

⁵⁶ Письмо Суворина А.С., издателя, Витте С.Ю. по поводу его участия в сборе пожертвований для вдов и детей военных чинов; о революционной ситуации в России. 19 декабря 1905 г. // РГИА. – Ф. 1622. – Оп. 1. – Д. 471. – Л. 1.

ворили о «революционных проявлениях»⁵⁷ и «революционных покушениях»⁵⁸. А один из главных борцов с революционным насилием П.Н. Дурново вообще утверждал 21 января 1906 г. в одном из циркуляров, что Россия так и не испытала на себе всю тяжесть революции, хотя и была к ней как никогда близка⁵⁹. Когда вооруженные восстания в Москве и на окраинах империи были окончательно подавлены, министру доложили, что общее число арестованных участников антиправительственных выступлений составило 38 000 человек. По словам П.Н. Дурново, эта цифра показывала,

что у нас революция не настоящая, а так сказать, репетиция революции, и если, не дай Бог, разразится когда-нибудь настоящая революция, да еще возьмет верх над законною властью, то цифра эта будет в десять, а, может быть, и в двадцать раз больше⁶⁰.

Несмотря на то, что некоторые в ближайшем окружении императора все еще опасались возобновления революции после созыва Государственной думы⁶¹, подавление открытых антиправительственных выступлений в различных областях империи русские консерваторы встретили с облегчением. Революция в ее насильственной форме признавалась ими свершившимся (и завершившимся) фактом. В то же время окончание революции отнюдь не означало полного выхода страны из кризиса⁶². «Революция может быть и *мирная* (курсив мой. – С. Н.)!», – убеждал Николая II А.А. Киреев⁶³.

Их оппоненты, напротив, были убеждены в том, что трансформация политической системы России, начало которой было положено в 1905 г., станет важнейшим условием для окончательного выхода страны из революционного кризиса. «Старый порядок умер, но яд его силен и действует губительно. Мы

⁵⁷ См.: Революция 1905 года и самодержавие. – С. 61.

⁵⁸ См.: Революция 1905–1907 гг. в России: документы и материалы. Второй период революции. 1906–1907 годы / под редакцией Г.М. Деренковского, Г.Ф. Богданова, А.В. Пяскового, К.Ф. Сидорова, М.С. Симоновой: в 4 ч. Ч. 1. Январь–апрель 1906 года. – Москва: Наука, 1957. – Кн. 1. – С. 77.

⁵⁹ Революция 1905–1907 гг. в России: документы и материалы. Второй период революции. 1906–1907 годы. Ч. 1. – Кн. 1. – С. 141.

⁶⁰ *Любимов Д.Н.* Русское смутное время. 1902–1906. По воспоминаниям, личным заметкам и документам. – С. 354.

⁶¹ Подобные предположения, к примеру, 22 декабря 1905 г. высказывала в письме графу Г.Г. Менгдену великая княгиня Елизавета Федоровна (См.: Великая княгиня Елизавета Федоровна и император Николай II. Документы и материалы (1884–1909 гг.) / авторы-составители А.Б. Ефимов, Е.Ю. Ковальская. – Санкт-Петербург: Алетей, 2009. – С. 754).

⁶² См.: Собрание статей Владимира Андреевича Грингмута. Политические статьи: Выпуск IV. – С. 37; Дневник Л.А. Тихомирова. 1905–1907 гг. – С. 213; *Богданович А.В.* Три самодержца. Дневники генеральши Богданович. – С. 295.

⁶³ *Киреев А.А.* Дневник. 1905–1910. – С. 120.

все отравлены им», – констатировал 1 января 1906 г. П.Б. Струве в газете «Русские ведомости»⁶⁴. Не допустить повторения вспышек революционного насилия, утверждал один из кадетских лидеров, можно было лишь путем безоговорочного претворения в жизнь положений Манифеста 17 октября. А для этого общественности было необходимо перехватить инициативу у чиновников, многие из которых, по убеждению П.Б. Струве, поддерживали объявленные в стране преобразования, руководствуясь исключительно конъюнктурными соображениями. Однако он смотрел в будущее с оптимизмом, поскольку в 1905 г. в стране свершилось главное – «родилась русская свобода, создан русский гражданин»⁶⁵. Это означало, что позитивная, преобразовательная «революция» отнюдь не завершилась – она только начиналась. От ее исхода зависело, суждено ли было России вновь столкнуться с эскалацией революционного насилия⁶⁶.

Подобные суждения на рубеже 1905–1906 гг. можно было услышать не только от либералов. В конце 1905 г. сотрудник «Нового времени» М.О. Меньшиков написал статью под названием «Анархия и цинизм». В ней публицист уверял читателей, что период анархии, который неизбежно следует за революцией (она, по мнению автора, в России уже закончилась) являлся естественной и неизбежной болезнью роста, которую, однако, во что бы то ни стало необходимо преодолеть, чтобы не растерять полученных страной «выгод революции»⁶⁷. М.О. Меньшиков полагал, что хаос был присущ историческому развитию России еще со времен призвания варягов:

Ни у одного народа история не начинается с анархии, как у нас. <...> Прошедшая революция есть великая попытка справиться наконец с нашей бытовой анархией, положить конец тысячелетней смуте, наладить жизнь свободную, достойную огромного народа⁶⁸.

Первая русская революция действительно предоставила системе государственного управления России шанс на обновление. От того, насколько эффективно власть сумела воспользоваться этим шансом, во многом зависела судьба Российской империи в последнее десятилетие ее существования.

⁶⁴ Струве П.Б. *Patriotica: Политика, культура, религия, социализм* / составители В.Н. Жукова и А.П. Полякова. – Москва: Республика, 1997. – С. 15.

⁶⁵ Струве П.Б. *Patriotica: Политика, культура, религия, социализм*. – С. 15.

⁶⁶ Подробнее см.: Соловьев К.А. Концепция революции в кадетской публицистике 1905–1907 гг. // *История государства и права*. – 2017. – № 19. – С. 39–45.

⁶⁷ См.: Меньшиков М.О. *Выше свободы. Статьи о России*. – Москва: Современный писатель, 1998. – С. 161–162.

⁶⁸ Меньшиков М.О. *Выше свободы. Статьи о России*. – С. 162.

Заключение

С того момента, как понятие «революция» приобрело не только общенаучное, но и социально-политическое значение, оно «было нацелено на хронологическую перспективу, оно встраивало события в жесткие последовательности и сроки»⁶⁹. Неудивительно, что даже тем современникам, которые задумывались об истоках внутривластного кризиса в России на рубеже XIX–XX вв., не приходило в голову пытаться определить конкретное событие, с которым было связано его начало. С революцией же дело обстояло иначе. Вопросами о том, когда началась и когда завершилась революция (и завершилась ли она?), задавались многие.

Все дело заключалось в том, какой смысл вкладывался современниками в это слово. Одни считали революцией общественный запрос на справедливое переустройство существовавшей политической системы. Другие, напротив, расценивали революцию исключительно как незаконную попытку насильственного разрушения этой системы. В случае реализации второго сценария объектом противостояния были уже не отдельные представители власти (такие события называли «смутой»), а режим в целом.

Именно понимание революции как квинтэссенции антигосударственного насилия являлось доминирующим в среде высшей бюрократии и лояльных к власти общественных сил. Поэтому и сам термин «революция» поначалу употреблялся в качестве характеристики непримиримых противников самодержавия, но не ситуации в стране. Отдельные вспышки насилия (Кровавое воскресенье, восстание на броненосце «Князь Потемкин-Таврический» и др.) подавляющее большинство современников считали проявлениями «смуты», которые, временами переходя в состояние открытой конфронтации с властью, все же не составляли единого и непрерывного революционного процесса. Вплоть до ноября 1905 г. во властных кругах о «революции» не осмеливались говорить открыто. С высоты престола и вовсе так и не было объявлено о том, что в России в 1905 г. произошла революция, хотя все больше современников не ставили под сомнение ее реальность.

Точкой невозврата стали события ноября–декабря 1905 г., открытый «поход на власть», вызов режиму, который был однозначно расценен и властью, и обществом как *революция*. Причем российская политическая мысль, однозначно определяя вооруженные выступления на рубеже 1905–1906 гг., как политическую революцию (что было довольно-таки очевидно), находила в них оттенки и революции социальной. И хотя окончательного разделения этих понятий в отношении российской политической действительности в 1905 г. не произошло, и сановники, и общественные деятели начинали осознавать, что реагировать на

⁶⁹ Бульст Н. и др. Революция (Revolution), бунт, смута, гражданская война (Rebellion, Aufruhr, Bürgerkrieg). – С. 617.

эти вызовы нужно было по-разному. Предупреждение политической революции связывалось с необходимостью своевременного осуществления политических реформ, в то время как недопущение социальной революции требовало от власти проведения комплексных преобразований, затрагивающих все без исключения сферы жизни общества.

Поэтому новый 1906 г. Россия встречала, стоя лицом к лицу с вызовами революции. Хотя насильственная фаза революции признавалась завершенной, не принимать во внимание выдвинутую ею повестку дня было невозможно. Царившая в России на протяжении большей части 1905 г. смута приобрела ключевые черты политической революции: она превратилась из набора отдельных, не связанных друг с другом общими идеями и целями актов неповиновения власти в осознанную борьбу проявлявшей политическую активность части общества за свои права. Другой вызов состоял в постоянной угрозе рецидива социальных волнений. Неслучайно в правительстве больше всего опасались именно возобновления аграрных беспорядков весной 1906 г. Отсутствие адекватного и решительного ответа на вызовы революции означало бы ее практически неминуемое повторение в будущем.

Эти вызовы всецело осознавались и обществом, но оценивались по-разному. Во многом стихийное становление в России парламентского проекта представлялось значительному числу консерваторов угрозой того, что страна погрузится в перманентную, хотя и мирную, политическую революцию. Под напором легальных политических сил самодержавие рисковало продолжить сдавать свои позиции, и угроза рецидива революционного насилия вновь возрастала. С переходом страны в новое политическое качество – революцию – не спорили и либералы. Для них это было время надежд на то, что в недалеком будущем общество наконец-то получит возможность говорить с властью на равных. Удержание завоеваний «российской славной революции» и их претворение в жизнь виделись им залогом того, что России не придется вновь пережить ужасы революции.

Introduction

Despite the great impact of the events of 1905 on the subsequent transformation of the system of government in the Russian Empire, the First Russian Revolution is not a favorite subject among present-day Russian historians. In many ways, it can be

accounted for by the inertia of Soviet historical science, which for a long time based itself on the idea of the inevitability of revolution. V. Lenin's proclamation of the events of the First Russian Revolution as a "dress rehearsal"¹ of October 1917 equated the scenarios of the two revolutions for long both in the eyes of the professional community² and in the collective consciousness. Meanwhile, these scenarios were very different. It is impossible to reveal the nature of the internal political crisis which the Russian Empire faced in 1905 without understanding how the revolutionary events of the early 20th century were interpreted by various participants in the political process. Not only did the crisis reflect the socio-political reality, but also, in many respects, it was an intellectual construct of those contemporaries who were inclined to evaluate it that way.³ The study of their views, words and expressions which were used in the ruling and public circles to describe the political situation in Russia helps to solve another problem, which is no less urgent for present-day Russian historical science. It relieves the representatives of the Russian government and society of the early 20th century from the severity of the verdict which the historian, often guided by his own political views and preferences, makes to his "heroes" with unjustified harshness.⁴

Russian historical science is just beginning to make attempts to analyze the thoughts of the contemporaries of those events about the question at what point of time it is possible to speak of the internal political crisis of the early 20th century in Russia as a revolution. K. Solov'ev was the first to notice that in 1905 the revolution was not "diagnosed" by all representatives of the top bureaucracy and social forces.⁵ He also drew attention to the fact that the chronological framework of the First Russian Revolution as assessed by the contemporaries does not always coincide with the

¹ V.I. Lenin, "Left-Wing' Communism: an Infantile Disorder" [in Russian], in V.I. Lenin, *Complete Works*, vol. 41 (Moscow: Politizdat, 1981), 9.

² See, e.g., B.V. Anan'ich et al., *Crisis of Autocracy in Russia. 1895–1917* [in Russian] (Leningrad: Nauka, 1984); N.G. Koroleva, *The First Russian Revolution and Tsarism. The Council of Ministers of Russia in 1905–1907* [in Russian] (Moscow: Nauka, 1982); A.P. Korelin and S.V. Tyutyukin, eds., *The First Revolution in Russia: a Look after a Century* [in Russian] (Moscow: Pamyatniki istoricheskoi mysli, 2005); E.D. Chermenskii, *The Bourgeoisie and Tsarism in the First Russian Revolution* [in Russian] (Moscow: Mysl', 1970).

³ See V.V. Shelokhaev and K.A. Solov'ev, "Crisis of Russian Empire as a Historiographical Problem" [in Russian], *Rossiiskaya istoriya*, no. 2 (2019): 142–45.

⁴ See S.V. Kulikov, "State-legal Discourse, the Imperial Government and the Duma Opposition at the Beginning of the 20th century" [in Russian], in *Power, Society and Reforms in Russia (the 16th – beginning of the 20th century). Proceedings of the Scientific Theoretical Conference (St Petersburg, December 8–10, 2003)* (St Petersburg: Sankt-Peterburgskii universitet, 2004), 283.

⁵ See K.A. Solov'ev, "Top Bureaucracy and Public Opinion in the First Russian Revolution" [in Russian], in *Revolutionarism in Russia: Symbols and Colors of the Revolution. Collected Articles Dedicated to the 100th Anniversary of the First Russian Revolution*, ed. A.P. Logunov (Moscow: RGGU, 2005), 63–66.

historiographical tradition of studying it.⁶ Other historians also wonder about the “reference point” of the First Russian Revolution.⁷ Foreign researchers made a significant contribution to the definition of the chronological framework of the First Russian Revolution: A. Ascher linked its beginning with the November 1904 Zemstvo Congress and the “banquet campaign,”⁸ and S. Harcave believed that the revolution ended with the suppression of armed uprisings in December 1905.⁹

And yet, Russian historiography has only recently declared the necessity to approach the study of the concept of revolution in a comprehensive manner and to investigate not only the interpretation of the term but also who, when and in relation to which events used it.¹⁰ However, a researcher always takes the risk of falling into a linguistic trap because

the very familiarity of the concepts the historian uses may mask some essential inapplicability to the historical material.¹¹

This means that decoding these concepts and revealing the meanings the contemporaries lent them becomes the most important tasks for the historian. This statement is fully applicable to the concept of revolution in the context of the events of 1905 in Russia.

Main body

First used by astronomers, in the Modern period the term *revolution* acquired a socio-political meaning that is close to us. Since then, it has been filled with different, sometimes opposite, contents. Despite this, the two fundamental concepts of revolution which emerged in West European political thought often complemented each other.

Even the French *Encyclopédistes* argued that revolution meant the establishment of a *new*, more *legitimate* order.¹² If it was about a radical transformation of the col-

⁶ See K.A. Solov'ev, “The ‘Weakness of Defense’, not the ‘Strength of Attack’ Determines a Revolution” [in Russian], *Rossiiskaya istoriya*, no. 4 (2016): 73–76.

⁷ See, e.g., V.Ya. Grosul, “When Did the Revolution of 1905 Begin?” [in Russian], *Rossiiskaya istoriya*, no. 4 (2016): 78–81.

⁸ See A. Ascher, *The Revolution of 1905*, vol. 1, *Russia in Disarray*. (Stanford, Cal.: Stanford University Press, 1988), 100–01.

⁹ See S. Harcave, *First Blood. The Russian Revolution of 1905* (London: The Bodley Head, 1964), 245–47, 260–62.

¹⁰ See V.V. Shelokhaev, “The State of the Contemporary Historiographical Field of Russian Liberalism and Conservatism” [in Russian], in *On Different Topics* (Moscow: ROSSPEN, 2016), 411–12.

¹¹ Q. Skinner, “Meaning and Understanding in the History of Ideas” [in Russian], in *Cambridge School: Theory and Practice of Intellectual History*, comp. T. Atnashev and M. Velizhev (Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2018), 84.

lective consciousness rather than a change in the state system, the process was termed “peaceful revolution of minds.” Of course, a political revolution hardly ever dispensed with violence. However, violence was a “signal of freedom” and therefore it was believed to be justified.¹³

The concepts of revolution and rebellion within the framework of the stated conception were not only unidentified but also contrasted to each other. “It was considered bad to be a ‘rebel’ but to be a ‘revolutionary’ was good.”¹⁴ Obviously, this view on the revolution had serious opponents. They regarded the revolution as a *forced* destruction of *legal* order and although they did not consider it as a direct synonym for rebellion, it was viewed as its natural, logical continuation.

Both interpretations of the concept of revolution were present in Russian social thought of the second half of the 19th – early 20th century and the former interpretation was common not only among social democrats and Narodniks. Pavel Milyukov used the epithet *revolutionary* to describe both “huge, progressive measures” taken by the authorities and those fundamental for the society ideas which prompted the government to implement reforms but had not yet found actual embodiment in state policy.¹⁵ Not denying the truly historical nature of some revolutionary transformations, Boris Chicherin was nevertheless convinced that the revolution was “always violence, not law” while the road to freedom could be paved only in a legal way.¹⁶

Following European political thought, at the end of the 19th century the term *revolution* was understood in Russia as a combination of political and social unrest. According to the definition given in the *Encyclopedic Dictionary* of F. Brokgauz and I. Efron, a revolution was considered “a complete. . . overturn in the entire state and social system of the country.”¹⁷ Such revolution had to be carried out with lightning speed, it was necessarily preceded by a broad social movement, and the power had to change hands as a result of its implementation. But the fundamental feature of the revolution in this interpretation is that “no matter how fast and sudden, it apparently” is,

¹² See N. Bul'st et al., “Revolution, Revolt, Turmoil, Civil War (Rebellion, Aufruhr, Bürgerkrieg)” [in Russian], *Dictionary of Basic Historical Concepts: Selected Articles: 2 vols.*, vol. 1, comp. Yu. Zaretskii et al., trans. K. Levinson, ed. trans. Yu. Arnautova (Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2014), 614–15, 619.

¹³ Bul'st et al., “Revolution, Revolt, Turmoil, Civil War,” 620.

¹⁴ Bul'st et al., “Revolution, Revolt, Turmoil, Civil War,” 524.

¹⁵ See I.S. Rozental', “Revolution” [in Russian], *Russian Liberalism of the Mid-18th – Early 20th Centuries: An Encyclopedia*, ed. V.V. Shelokhaev (Moscow: ROSSPEN, 2010), 789.

¹⁶ Rozental', “Revolution,” 790.

¹⁷ V.V. Vodovozov, “Revolution” [in Russian], in F.A. Brokgauz and I.A. Efron, *Encyclopedic Dictionary*, vol. 26, *Workbook – Resolution* (St Petersburg: Izdatel'skoe delo, byvshee Brokgauz–Efron, 1899), 437.

in fact, it is always prepared for decades, even centuries, and occurs only when forms of state do not change in accordance with the changes in economic and other social relations, and the newly reinforced social classes do not use the rights corresponding to their status.¹⁸

Such changes could happen both violently and non-violently.

Therefore, it is not surprising that for a long time it did not occur to anyone to call any events that took place in the Russian Empire a revolution. However, the tendencies that, as R. Chartier argued, preceded the French Revolution, were also observed in Russian public opinion on the eve of 1905. Discussing the realia of France in the last quarter of the 18th century, the historian spoke about

the disappointment of a large segment of the intellectual classes, the erosion of an all-powerful authority, the imputation of social ills to the person who held sovereign power, and a widely shared hope for a new era.¹⁹

The parallels between the French and Russian pre-revolutionary realia obviously suggested themselves. The contemporaries anticipated: some of them, with anxiety; others, with impatience.

The assassination of the Minister of Internal Affairs Vyacheslav von Plehve on July 15, 1904 heated the situation in the country even more. From then on, many people believed that a revolution threatened Russia not in the distant, but in the near future. Describing the general mood among the top bureaucracy on the eve of 1905, P. Volobuev called it a presentiment of the growth of “revolutionary underground rumble.”²⁰ Unless “completely natural desires of everyone are not satisfied, changes will come in the form of a revolution,” P. Svyatopolk-Mirskii insisted at the end of November 1904, trying to persuade the emperor to agree to the implementation of the reform program proposed by the new minister of internal affairs.²¹ According to A. Suvorin, Sergei Witte was “afraid of spring” as well.²² And V. Bogucharskii who stood at the origins of the Union of Liberation was absolutely convinced that the

¹⁸ Vodovozov, “Revolution,” 437.

¹⁹ R. Chartier, *The Cultural Origins of the French Revolution* [in Russian], trans. O.E. Grinberg (Moscow: Iskusstvo, 2001), 207.

²⁰ P.V. Volobuev, “1905 – the Beginning of the Revolutionary Upheavals of the 20th Century in Russia” [in Russian], in *1905 – the Beginning of the Revolutionary Upheavals of the 20th Century in Russia. Proceedings of the International Conference*, ed. P.V. Volobuev (Moscow: [n.p.], 1996), 8.

²¹ Cited in K.A. Solov'ev, “Awaiting Reform: Power and Society on the Eve of January 1905” [in Russian], in *People and Power: Interaction in History and the Present: Collection of Scientific Papers*, ed. I.V. Mikheeva and F.A. Seleznev, iss. 2 (Nizhny Novgorod: Rastr, NIU VShE, 2015), 363.

²² See A.V. Bogdanovich, *Three Autocrats. The Diaries of General Bogdanovich's Wife* [in Russian] (Moscow: Veche, 2008), 256.

scale of the upcoming events in Russia would not be less than that of the French Revolution.²³ And that prospect did not frighten him at all.

Events unfolded rapidly, but very few contemporaries tended to consider Bloody Sunday as a political rebellion.²⁴ Some, like L. Tikhomirov, reacted to the events of January 9, 1905 in St Petersburg very emotionally at first²⁵ but revised their evaluations over time.²⁶ When the rightists wrote about a revolution, they often meant the representatives of radical opposition rather than political situation. It is no accident that a prominent conservative political writer K. Paskhalov called the mutiny on the battleship *Prince Potemkin-Tavrichesky* “an Odessa pogrom guided by the Jewish revolution.”²⁷ And only few believed that a revolution did not threaten Russia and that the scope of the revolutionary movement was greatly exaggerated. Those few public figures attributed destabilization of political situation in the empire exclusively to the activity of the “foreign revolutionary party.”²⁸

The internal political crisis was not defined as a revolution in government circles either. During the greater part of 1905, a different term was used to refer to it, *time of troubles* (*smuta*). Speaking of it, the contemporaries might have in mind both political offenses which fell within the purview of the Criminal Code²⁹ and the general characteristics of the crisis in relations between the authorities and the society, which they associated with the Time of Troubles. In both cases, the term *time of troubles* had a sharply negative connotation. And yet, the *troublemakers* did not question the legitimacy of the supreme power and did not encroach upon it openly. Therefore, in the logic of Russian socio-political thought of the early 20th century a time of troubles could precede a revolution but was not identical with it.

At first, very few representatives of the top bureaucracy were convinced that it was time to speak about a real revolution rather than about unrest. At the meeting of the Council of Ministers on February 11, 1905, without saying the word *revolution* aloud, State Comptroller P. Lobko argued that “the goal of the unrest was not trans-

²³ See Solov'ev, “Awaiting Reform: Power and Society on the Eve of January 1905,” 362.

²⁴ See Kireev A.A. *The Diary. 1905–1910* [in Russian], comp. K.A. Solov'ev (Moscow: ROSSPEN, 2010), 22.

²⁵ “There is a downright revolution in St Petersburg. . .,” L. Tikhomirov wrote in his diary on January 10, 1905. (*L.A. Tikhomirov's Diary. 1905–1907* [in Russian], comp. A.V. Repnikov and B.S. Kotov (Moscow: ROSSPEN, 2015), 37)

²⁶ In the spring of 1905, L. Tikhomirov already believed that a revolution in Russia was possible only in the long run and only if the authority settled for implementation of constitutional reforms. (*L.A. Tikhomirov's Diary*, 67, 72, 100)

²⁷ K.N. Paskhalov, *Collection of Articles, Appeals, Notes, Speeches, etc. March 1905 – August 1906* [in Russian] (Moscow: [n.p.], 1906), 91.

²⁸ See N.M. Pavlov, *On the Meaning of the “Elected” according to the Russian Popular Appeal* [in Russian] (Kharkov: Tipografiya gubernskogo pravleniya, 1905), 15–16.

²⁹ See *Criminal Code. Imperial Approval on March 22, 1903* [in Russian] (St Petersburg: Izdatel'stvo V.P. Anisimova, 1903), 50–57.

formative – to eliminate the autocracy. The power of the ruling classes.”³⁰ From the point of view of P. Lobko, particularly perilous was the fact that the events unfolding in the country showed the signs of both political and social revolution.

Referring to the peasant disorders and unrest of the zemstvo doctors in Balashov Uyezd of Saratov Governorate as “revolutionary manifestations,”³¹ Pyotr Stolypin was one of the first to extrapolate the epithet *revolutionary* not only to illegal political associations but also to the events in the governorate as a whole. In the summer of 1905, some representatives of the metropolitan bureaucracy also adhered to this terminology. Being convinced that Russia was going through a revolution, A. Kulomzin assured Chief Administrative Assistant of the Committee of Ministers Baron E. Nolde that “it would settle down as soon as the Duma assembled.”³² And Nolde fully agreed with his correspondent.³³ The confidence that the convocation of the people’s representation would put a stop to the revolutionary crisis did not leave many public figures even in December 1905, when the situation in a number of regions of the empire had already got out of control of the authorities.³⁴

³⁰ “Meetings of the Council of Ministers on February 3 and 11, 1905 in the notes of E.Yu. Nol'de” [in Russian], introductory article and publication by R.Sh. Ganelin, in *Archaeographical Yearbook for 1989* (Moscow: Nauka, 1990), 300.

³¹ See *Revolution of 1905 and Autocracy* [in Russian], prepared for print by V.P. Semennikov, foreword by A.M. Pankratova, notes by M.I. Akhun and V.A. Petrov (Moscow; Leningrad: GIZ, 1928), 99.

³² Pis'ma k E.Yu. Nol'de Kulomzina A.N., chlena Gos. soveta, stats-sekretarya, o proekte zakonosoveshchatel'noi (“Bulyginskoi”) dumy, sozdanii “Soyuza soyuzov,” vozniknovenii rabochikh kruzhkov i dr. sobytiiakh leta 1905 g. 14 – 27 iyulya 1905 g. [Letters to E.Yu. Nolde from A.N. Kulomzin, a member of the State Council, State Secretary, on the project of Advisory (“Bulyginskaya”) Duma, establishment of the “Union of Unions,” emergence of workers’ circles and other events in the summer of 1905. 14–27 July 1905]. F. 727, op. 2, d. 193, l. 3. Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [Russian State Historical Archive] (RGIA), St Petersburg, Russia.

³³ Pis'ma Nol'de E.Yu., bar., upravlyayushchego delami Komiteta ministrov, Kulomzinu A.N. o zaklyuchenii mira s Yaponiei, nadezhde na pozitivnye peremeny; o lechenii v Karlsbade, planakh vozvrashcheniya v Peterburg i posleduyushchei poezdki na Kavkaz; o tselesoobraznosti prodolzheniya raboty Sibirskogo komiteta; o zasedaniyakh Osobykh soveshchanii pod predsedatel'stvom Sol'skogo D.M. 27 avgusta–24 sentyabrya 1905 g. [Letters from E.Yu. Nolde, Baron, chief administrative assistant of the Committee of Ministers, to A.N. Kulomzin about the conclusion of peace with Japan, the hope for positive changes; about treatment in Carlsbad, plans to return to St Petersburg and subsequent trip to the Caucasus; about the expediency of continuing the work of the Siberian Committee; about the sessions of Special meetings chaired by D.M. Solsky. August 27–September 24, 1905]. F. 1642, op. 1, d. 396, l. 1 ob. RGIA.

³⁴ On December 5, 1905, during the meetings in Tsarskoye Selo, Baron P. Korf stated that “the convocation of the State Duma is the end of the revolution.” See “Minutes of the Meetings in Tsarskoye Selo (1905–1906)” [in Russian], in *Russian Constitutionalism: From Autocracy to Constitutional Parliamentary Monarchy: Collection of Documents*, comp. A.V. Gogolevskii and B.N. Kovalev (Moscow: Yurist, 2001), 47.

In the eyes of many dignitaries, the inevitable transformation of state administration system in the event of establishment of the State Duma did not pose any threat of escalating anti-state violence. A number of representatives of the right-wing monarchist opposition, on the contrary, considered the very formulation of the question of convocation a popular representation in Russia a harbinger of revolution. Back in mid-July 1905, in one of his articles K. Paskhalov called the authors of the draft of the Bulyginskaya Duma nothing else but “revolutionary groups.”³⁵ The authorities reacted to that calmly. The Minister of Internal Affairs Alexander Bulygin believed that political radicalism was not common for the “Russian national character.”³⁶ Therefore, in the summer of 1905, the authors of the Duma project did not have any fears that the Duma would become a mouthpiece for revolutionary propaganda.

The supporters of the necessity of speedy political reforms called on the authorities to act decisively. On June 1, 1905 A. Klopov literally demanded that Nicholas II implement the reforms:

... we are facing a revolution from below and we must make it from above. The revolutionary party promises us freedom, order, legality; we must grant them from the height of the throne.³⁷

This appeal clearly revealed the dualism in the understanding of the revolution, which had already become traditional for Russian public thought. Those social forces which demanded political reforms from the authorities were guided by a *positive concept* of the revolution and insisted that the emperor and his entourage come to terms with the natural, in their opinion, course of things and enact fair claims of the public into law. The only chance for the authorities to avoid a *negative* scenario (a coup attempt forcefully carried out by the radicals), as it was seen by many of the contemporaries, was that not only would they adopt a *positive* revolution in St Petersburg “on sufferance,” but also they would be able to lead it.

The rightists responded to those demands immediately. However, under the conditions of escalating revolutionary crisis in Russia in 1905, their views were not quite consistent. What was happening was so great a shock for them that it was difficult to fathom theoretically. However, it is obvious that only few conservatives consciously aspired to that comprehension back then. They painfully reacted to the rapid trans-

³⁵ Paskhalov, *Collection of Articles, Appeals, Notes, Speeches, etc.*, 93.

³⁶ “Soobrazheniya Ministra Vnutrennikh Del o poryadke osushchestvleniya reskripta 18 fevralya 1905 g. 14 iyunya – 29 iyulya 1905 g.” [Considerations of the Minister of Internal Affairs on the procedure for implementing the rescript of February 18, 1905. June 14 – July 29, 1905]. Delo Soveshchaniya dlya obsuzhdeniya polozhenii Reskripta 18 fevralya 1905 g. ch. 1 [File of the Meeting to discuss the provisions of the Rescript of February 18, 1905, part 1]. F. 1544, op. 1, d. 1, l. 10 ob. RGIA.

³⁷ V.M. Krylov, N.A. Malevanov, and V.I. Travin, comps., *Privy Councilor of the Emperor* [in Russian] (St Petersburg: XXI vek, 2002), 353.

formation of political reality, loudly condemned it, but felt powerless to change anything. That is why in 1905 many public figures of the right wing “were inconsistent in their testimonies,” alternately referring to the events which were unfolding in the country as the revolution or as the time of troubles.³⁸

By the autumn of 1905, the internal political situation in Russia had reached the flash point. Representatives of the local administration again and again sent memoranda and letters of caution to Petersburg and were not embarrassed at all to openly write that the country was threatened with a *revolution*.³⁹ And some of the courtiers considered the *revolution* a *fait accompli*.⁴⁰

But the word *revolution*, which had already come into usage simply and straight out in private conversations of the dignitaries,⁴¹ remained tabooed in the official records. At most, “unrest”⁴² was mentioned, which was recognized by the authorities as “significant”⁴³ in a number of areas of the empire. A little more than a month passed and representatives of the top bureaucracy started saying right in the monarch’s face that Russia was undergoing a real *revolution* in the best traditions of

³⁸ In mid-July 1905 V. Gringmut confidently said, “A revolution in our country is not only possible, but has already begun!” (*Collection of Articles by Vladimir Andreevich Gringmut. Political Articles* [in Russian], iss. 3–4 (Moscow: Universitetskaya tipografiya, 1910), 240) And as early as in the first half of October, the editor-in-chief of the *Moskovskie vedomosti* assured his readers that a revolution in Russia was possible only “under absolutely incredible conditions,” the connivance of the authorities in the fight against the revolutionary movement and anti-government propaganda. (*Collection of Articles by Vladimir Andreevich Gringmut*, 289)

³⁹ “The bloody specter of the revolution with all its horrors and calamities is approaching Russia even closer and more threateningly,” pointed out N. Kleigels, Governor-General of Kiev, Podolsk and Volyn in a memorandum to be submitted to the monarch on October 9, 1905 (F. 543, op. 1, d. 576, l. 88. Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii [State Archive of the Russian Federation] (GARF), Moscow, Russia.

⁴⁰ Shortly before the emperor signed the October 17 Manifesto, A. Kireev bitterly wrote in his diary, “The revolution has corroded our entire organism.” (*A.A. Kireev. The Diary*, 102).

⁴¹ Widely known are the words Sergey Witte said on September 21, 1905 at one of the “home conferences” at D. Solsky’s: “The enemies of the government are united and organized. The cause of the revolution is advancing rapidly. Today we are already in the position in which the French government found itself a year after the convocation of the Estates General, and we have no plan, no firmness in repulsing the revolutionary movement.” (Cited in A.A. Polovtsov, *The Diary. 1893–1909* [in Russian], comp. O.Yu. Golechkova (St Petersburg: Aleteiya, 2014), 471.)

⁴² This is how D. Trepov described the situation in Moscow at the height of the October All-Russian political strike. (See *Revolution of 1905–1907 in Russia: Documents and Materials. All-Russian Political Strike in October 1905: 2 parts* [in Russian], pt. 1, ed. L.M. Ivanov et al. (Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR, 1955), 429).

⁴³ *Revolution of 1905–1907 in Russia: Documents and Materials. All-Russian Political Strike in October 1905: 2 parts* [in Russian], pt. 2, 243.

France in 1789.⁴⁴ And yet, in 1905 the word *revolution* never appeared in the pages of a manifesto or a decree signed by Nicholas II.

Not only the emperor but also some contemporaries were convinced that even in October 1905 the country had not been faced with the revolution yet.

Later on, in emigration, I. Petrunkevich recalled:

... the capital of the empire was buzzing like a huge bee-hive on a hot summer day, and the atmosphere of the city was saturated with revolutionary ferment. . .

... signs of the oncoming revolution or some kind of explosion were obvious to everyone, except for those who did not want to see anything.⁴⁵

Although the explosion had not happened yet, it was not long in coming.

The hopes of the dignitaries for the soothing effect of the October 17 Manifesto were not fulfilled. Armed uprisings, which broke out in different regions of the country, did not add to the confidence of the government either. In this situation, the new Minister of Internal Affairs P. Durnovo took the initiative. On November 25, 1905 he openly said to the head of his ministry's administration D. Lyubimov, "We have already moved from the time of troubles into the revolution,"⁴⁶ and was one of the first to determine the boundary for the qualitative transformation of the internal political crisis in Russia by the events of November 1905. Five days later, A. Nemirovskii, the mayor of Saratov, wrote in his letter of resignation to the governor the following:

After all, we are going through a terrifying, terrible time! This liberation movement, which began with such noble desires, is degenerating into some kind of chaos, into feverish delirium, into gloomy dictatorship of madmen; it rests upon the low instincts of the unfortunate benighted and half-starved masses. And where will this movement stop, how will it end! There is nothing more disgusting than a raging boor; there is nothing more terrible than a slave who has broken loose and is prowling around with a rope around his neck.⁴⁷

Was it not the beginning of a very real *violent* revolution?

It is noteworthy that the internal political crisis in Russia was "diagnosed" in a similar way both by dignitaries and by the representatives of the public almost simul-

⁴⁴ "Minutes of the Meetings in Tsarskoye Selo (1905–1906)," 49.

⁴⁵ I.I. Petrunkevich, "From the Notes of a Public Figure. Memoirs" [in Russian], ed. Prof. A.A. Kizeveter, in *Archive of the Russian Revolution*, vol. 21 (Moscow: Terra, 1993), 410, 397.

⁴⁶ D.N. Lyubimov, *Russian Time of Troubles. 1902–1906. From Memoirs, Personal Notes and Documents* [in Russian], introductory article and commentary by K.A. Solov'ev (Moscow: Kuchkovo pole, 2018), 312.

⁴⁷ "Pis'mo Stolypinu P.A. Nemirovskogo A.O., saratovskogo gorodskogo golovy, ob otnoshenii k revolyutsionnym sobytiyam 1905 g. i namerenii podat' v otstavku. 30 noyabrya 1905 g." [Letter to P.A. Stolypin from A.O. Nemirovskii, the mayor of Saratov, about his attitude to the revolutionary events of 1905 and his intention to resign. November 30, 1905]. F. 1662, op. 1, d. 195, l. 1 ob. RGIA.

taneously. In the spring and summer of 1905, the authors of the memos submitted to the Council of Ministers in order to implement the Decree to the Governing Senate of February 18, 1905, described the crisis as “time of troubles,” “unrest,” “sedition,” wrote about the “grave upheavals” which had befallen the country and “internal troubles,” and in some cases warned the authorities about “a revolution *threatening* [my italics – S. N.] the country”⁴⁸ and “jacquerie,”⁴⁹ but in November the tone of their statements changed dramatically. From then on, correspondents of the Chairman of the Council of Ministers Sergei Witte openly referred to the situation in Russia as the revolution, and not only political⁵⁰ but also agrarian⁵¹ revolution was mentioned.

The prime minister shared the public’s concern. S. Witte was convinced that the main fear of the bureaucracy – social revolution that had “already penetrated the masses of people outside cities” – had become a reality, and he reported that to the

⁴⁸ Zapiski, pis'ma i predpolozheniya raznykh lits i organizatsii o gosudarstvennykh preobrazovaniyakh i merakh bor'by s revolyutsionnym dvizheniem, prislannye vo ispolnenie ukaza 18 fevralya 1905g. i ostavlennye bez posledstviy. 1 maya–10 iyunya 1905 g. [Notes, letters and proposals of various individuals and organizations about state reforms and measures to fight the revolutionary movement, sent in order to implement the decree of February 18, 1905 and left without consequences. May 1–June 10, 1905]. F. 1276, op. 1, d. 20, l. 97 ob. RGIA.

⁴⁹ Zapiski, pis'ma i predpolozheniya raznykh lits i organizatsii o gosudarstvennykh preobrazovaniyakh i merakh bor'by s revolyutsionnym dvizheniem, prislannye vo ispolnenie ukaza 18 fevralya 1905 g. i ostavlennye bez posledstviy. 8 fevralya–6 dekabrya 1905 g. [Notes, letters and proposals of various individuals and organizations about state reforms and measures to fight the revolutionary movement, sent in order to implement the decree of February 18, 1905 and left without consequences. February 8–December 6, 1905]. F. 1276, op. 1, d. 12, l. 151. RGIA.

⁵⁰ Zapiski i pis'ma raznykh lits o sozyve Gos.dumy, o rasshirenii grazhdanskikh prav naseleniya i predostavlenii rabochim prava imet' predstavitel'stvo v Dume. 18 oktyabrya–12 noyabrya 1905 g. [Notes and letters from various persons on the convocation of the State Duma, on expanding the civil rights of the population and granting workers the right to have representation in the Duma. October 18–November 12, 1905]. F. 1276, op. 1, d. 30, l. 37 ob. RGIA; Perekopka predsedatelya Soveta ministrov s raznymi litsami po raznym voprosam: o revolyutsionnom dvizhenii v strane, o gosudarstvennykh preobrazovaniyakh v Rossii, o vyborakh v Gos. dumu, o vozobnovlenii zanyatii v vysshikh uchebnykh zavedeniyakh, po agrarnomu voprosu i po dr. 14 aprelya 1905–3 fevralya 1906 gg. [Correspondence of the Chairman of the Council of Ministers with different persons on various issues: on the revolutionary movement in the country, on the state reforms in Russia, on the elections to the State Duma, on the resumption of classes at higher education institutions, on the agrarian issue and others. April 14, 1905–February 3, 1906]. F. 1276, op. 1, d. 164, l. 45. RGIA.

⁵¹ Perekopka predsedatelya Soveta ministrov s raznymi litsami po raznym voprosam: o revolyutsionnom dvizhenii v strane, o gosudarstvennykh preobrazovaniyakh v Rossii, o vyborakh v Gos. dumu, o vozobnovlenii zanyatii v vysshikh uchebnykh zavedeniyakh, po agrarnomu voprosu i po dr. 14 aprelya 1905–3 fevralya 1906 gg. [Correspondence of the Chairman of the Council of Ministers with different persons on various issues: on the revolutionary movement in the country, on the state reforms in Russia, on the elections to the State Duma, on the resumption of classes at higher education institutions, on the agrarian issue and others. April 14, 1905–February 3, 1906]. F. 1276, op. 1, d. 164, l. 46 ob. RGIA.

emperor on December 5, 1905 during the meetings in Tsarskoye Selo.⁵² And again, in official documents (this time, in a government message issued on December 9, 1905) even such large-scale acts of anti-state violence as the armed uprising in Moscow were called just “troubles” and “unrest” but by no means a “revolution.”⁵³

The effect that the December uprising in Moscow exerted on Russian society cannot be overestimated. A prominent political writer A. Eropkin called Moscow the “hotbed of the revolution.”⁵⁴ But he was among those who considered the revolution to be a local phenomenon that failed to spread throughout the empire.⁵⁵

The representatives of conservative social thought, of course, considered the events of the end of 1905 as a revolution. In their opinion, this disease infected not only the ideological opponents of autocracy but also the representatives of power and public circles.

Sometimes it seems to me that we are all revolutionaries. We have no firm ground underneath, no faith, and no God to trust in. And the revolution has faith, and it finds sympathy among officials, professionals, craftsmen, clerks, workers, etc. Nobody considers the revolution such kind of enemy as an invasion of aliens, and it is a tricky matter to awaken patriotic feelings against it.⁵⁶

That was what A. Suvorin wrote to the Chairman of the Council of Ministers on December 19, 1905.

The government circles associated the end of the revolution with the successful suppression of armed uprisings in Moscow and on the outskirts of the empire. The implementation of the strong-arm scenario in order to overcome the revolutionary crisis, the decisive role in the implementation of which was played by P. Durnovo, made its own adjustments to the assessments of the situation in the country by the dignitaries. By February 1906, the term *revolution*, which had never been used in legislative acts, was no longer found in the texts of the reports to be submitted to the

⁵² See “Minutes of the Meetings in Tsarskoye Selo (1905–1906),” 49.

⁵³ See V.I. Nevskii, ed., *The Revolution of 1905. Materials and Official Documents* [in Russian] (Kharkov: Proletarii, 1925), 332.

⁵⁴ A.V. Eropkin, *Notes of a Member of the State Duma: Memoirs. 1905–1928*, introduction and commentary by K.A. Solov'ev [in Russian] (Moscow: Kuchkovo pole, 2016), 26.

⁵⁵ According to A.V. Eropkin, the revolution “did not manage to cover a wider area, and while barricades were being built in Moscow (on the famous Presnya) and blood was shedding, in Rязan, 160 versts away, they only listened anxiously to what was happening in white-stone Moscow” (Eropkin, *Notes of a Member of the State Duma*, 27).

⁵⁶ “Pis'mo Suvorina A.S., izdatelya, Vitte S.Yu. po povodu ego uchastiya v sbore pozhertvovaniy dlya vdov i detei voennykh chinov; o revolyutsionnoi situatsii v Rossii. 19 dekabrya 1905 g.” [Letter from A.S. Suvorin, a publisher, to Sergei Witte on his participation in collecting donations for widows and children of military ranks; on the revolutionary situation in Russia. December 19, 1905]. F. 1622, op. 1, d. 471, l. 1. RGIA.

monarch and in the memoria of the Council of Ministers. From then on, the bureaucratic circles of St Petersburg again (as in the summer of 1905) started talking about “revolutionary manifestations”⁵⁷ and “revolutionary attempts.”⁵⁸ On January 21, 1906, P. Durnovo, one of the main fighters against revolutionary violence, stated in one of his circulars that Russia had not experienced the burden of the revolution in full, though it was closer to it than ever.⁵⁹ When armed uprisings in Moscow and on the outskirts of the empire were fully suppressed, the minister was informed that the total number of the arrestees who participated in anti-government protests was 38,000. According to P. Durnovo, this figure showed

that our revolution is not a real one, but, so to say, a rehearsal of the revolution, and God forbid, if a real revolution breaks out someday and even gets the upper hand over the lawful authority, this figure will be ten, and maybe even twenty times more.⁶⁰

Despite the fact that some people in the inner circle of the emperor still feared a resumption of the revolution after the convocation of the State Duma,⁶¹ the Russian conservatives met the suppression of the open anti-government protests in various areas of the empire with relief. They recognized the revolution in its violent form as an accomplished (and completed) fact. At the same time, the end of the revolution did not at all mean a complete recovery of the country from the crisis.⁶² “The revolution can also be *peaceful* [my italics – S. N.]” A. Kireev convinced Nicholas II.⁶³

Their opponents, on the contrary, were convinced that the transformation of the political system of Russia, which began in 1905, would become the most important condition for the country’s final recovery from the revolutionary crisis. “The old order has died, but its poison is strong and destructive. We are all poisoned by it,” wrote Pyotr Struve on January 1, 1906 in the newspaper *Ruskiye Vedomosti*.⁶⁴ One

⁵⁷ See *Revolution of 1905 and Autocracy*, 61.

⁵⁸ See *Revolution of 1905–1907 in Russia: Documents and Materials. The Second Period of the Revolution. 1906–1907: 4 parts* [in Russian], ed. G.M. Derenskovskii et al., pt. 1, *January – April 1906*, bk. 1 (Moscow: Nauka, 1957), 77.

⁵⁹ *Revolution of 1905–1907 in Russia: Documents and Materials. The Second Period of the Revolution*, pt. 1, bk. 1, 141.

⁶⁰ Lyubimov, *Russian Time of Troubles. 1902–1906*, 354.

⁶¹ Such assumptions were expressed, for example, by Grand Duchess Elizabeth Feodorovna on December 22, 1905 in her letter to Count G. Mengden (See: A.B. Efimov and E.Yu. Koval'skaya, comps., *Grand Duchess Elizabeth Feodorovna and Emperor Nicholas II. Documents and Materials (1884–1909)* [in Russian] (St Petersburg: Aleteiya, 2009), 754.

⁶² See, *Collection of Articles by Vladimir Andreevich Gringmut*, 37; *L.A. Tikhomirov's Diary*, 213; Bogdanovich, *Three Autocrats*, 295.

⁶³ A.A. Kireev. *The Diary*, 120.

⁶⁴ P.B. Struve, *Patriotica: Politics, Culture, Religion, Socialism* [in Russian], comp. V.N. Zhukova and A.P. Polyakova (Moscow: Respublika, 1997), 15.

of the Kadet leaders argued that a repetition of the outbreaks of revolutionary violence could be prevented only by means of the unconditional implementation of the provisions of the October 17 Manifesto. And for that, the public needed to take the initiative from the officials, many of whom, according to Pyotr Struve, while supporting the reforms announced in the country, were guided exclusively by opportunistic considerations. However, he was optimistic about the future because in 1905 the main thing happened in the country: “Russian freedom was born, a Russian citizen was created.”⁶⁵ This meant that the positive, transformative *revolution* was by no means over – it was just beginning. Whether Russia was to face an escalation of revolutionary violence once again depended on its outcome.⁶⁶

Similar judgments at the turn of 1905–06 could be heard not only from the liberals. At the end of 1905, an employee of *Novoe Vremya* M. Menshikov wrote an article titled “Anarchy and Cynicism.” In it, the writer assured the readers that the period of anarchy which inevitably follows a revolution (according to the author, it had already ended in Russia) was a natural and inevitable growing pain, which, however, must be overcome at all costs so as not to lose “benefits of the revolution”⁶⁷ received by the country. M. Menshikov believed that chaos had been inherent in the historical development of Russia since the Invitation of the Varangians:

A history of no other nation begins with anarchy as ours does. . . . The past revolution is a great attempt to finally cope with our everyday anarchy, to put an end to the thousand-year-long time of troubles, to establish the life which is free and worthy of the large nation.⁶⁸

The First Russian Revolution did indeed give a chance for renewal to the system of public administration in Russia. The fate of the Russian Empire in the last decade of its existence largely depended on how effectively the government would be able to take advantage of that chance.

Conclusion

From the moment when the concept of revolution acquired both general scientific and socio-political meaning, it “was aimed at a chronological perspective, it built events into rigid sequences and time frames.”⁶⁹ It is not surprising that even those contemporaries who thought about the origins of the internal political crisis in Russia

⁶⁵ Struve, *Patriotica*, 15.

⁶⁶ For more, see K.A. Solov'ev, “Concept of Revolution in Cadet Opinion Journalism of 1905–1907” [in Russian], *Istoriya gosudarstva i prava*, no. 19 (2017): 39–45.

⁶⁷ See M.O. Men'shikov, *Higher than Freedom. Articles about Russia* [in Russian] (Moscow: Sovremennyi pisatel', 1998), 161–62.

⁶⁸ Men'shikov, *Higher than Freedom*, 162.

⁶⁹ Bul'st et al., “Revolution, Revolt, Turmoil, Civil War,” 617.

at the turn of the 19th and 20th centuries did not try to determine that specific event which was connected with its beginning. The situation with the revolution was different. Many people wondered when the revolution began and when it ended (and if it ended).

The crux of the matter was the meaning which the contemporaries ascribed to this word. Some of them believed that public demand for a just reorganization of the existing political system was a revolution. Others, on the contrary, regarded a revolution solely as an illegal attempt to violently destroy this system. In the event of the latter scenario, not individual representatives of the authorities (such events were referred to as the times of trouble) but the regime as a whole became the object of confrontation.

It was the understanding of the revolution as the quintessence of anti-state violence that dominated among the top bureaucracy and social forces loyal to the government. Therefore, the term *revolution* was initially used to describe irreconcilable opponents of autocracy rather than the situation in the country. Individual outbreaks of violence (Bloody Sunday, the mutiny on the battleship *Prince Potemkin-Tavrishesky* et al.) were considered by the overwhelming majority of contemporaries to be manifestations of *the time of troubles*, which, turning into open confrontation with the authorities at times, still did not constitute a single and continuous revolutionary process. Until November 1905, the authorities did not dare to speak openly about the revolution. It was never announced from the height of the throne that a revolution took place in Russia in 1905, although more and more contemporaries did not question its reality.

The point of no return was marked by the events of November–December 1905, an open “march on power,” a challenge to the regime, which was unambiguously regarded both by the authorities and by the society as a *revolution*. Moreover, unambiguously defining the armed uprisings at the turn of 1905–06 as a political revolution (which was quite obvious), Russian political thought also found some shades of social revolution in them. Though the final differentiation of those concepts in relation to Russian political reality did not happen in 1905, both dignitaries and public figures began to realize that they had to respond to those challenges in different ways. Prevention of a political revolution was associated with the necessity to timely implement political reforms, while prevention of a social revolution required that the authorities carried out comprehensive transformations in all spheres of society without any exception.

Therefore, Russia met the new 1906, standing face to face with the challenges of the revolution. Though the violent phase of the revolution was considered complete, it was impossible not to take into account the agenda it had put forward. The turmoil that reigned in Russia for most of 1905 acquired the key features of a political revolution: from a number of separate acts of disobedience to the authorities, not related to

each other by common ideas and goals, it turned into conscious struggle of the politically active part of the society for its rights. Another challenge consisted in the constant threat of relapsing into social unrest. It is no coincidence that most of all the government feared the resumption of agrarian disorders in the spring of 1906. The absence of adequate and decisive response to the challenges of the revolution would mean its inevitable repetition in the future.

The society was fully aware of those challenges. But they were evaluated in different ways. In many respects, spontaneous formation of the parliamentary project in Russia was viewed by a significant number of conservatives as a threat that the country would plunge into a permanent, albeit peaceful, political revolution. Under the pressure of legal political forces, the autocracy took the risk of further surrendering its positions, and the threat of a relapse into revolutionary violence grew again. The liberals did not argue with the transition of the country to a new political state, the revolution, either. For them, it was a time of hope that in the near future the society would finally get the opportunity to talk to the authority as equals. They saw the retention of the gains of the “Glorious Russian Revolution” and their implementation in life as a guarantee that Russia would not have to suffer the horrors of revolution again.

Список литературы

Ананьич Б.В., Ганелин Р.Ш., Дубенцов Б.Б., Дякин В.С., Потолов С.И. Кризис самодержавия в России. 1895–1917. – Ленинград: Наука, 1984. – 664 с.

Бульст Н., Козеллек Р., Майер К., Фиш Й. Революция (Revolution), бунт, смута, гражданская война (Rebellion, Aufruhr, Bürgerkrieg) // Словарь основных исторических понятий: Избранные статьи: в 2 т. Т. 1 / перевод с немецкого К. Левинсон, составители Ю. Зарецкий, К. Левинсон, И. Ширле; научный редактор перевода Ю. Арнаутова. – Москва: Новое литературное обозрение, 2014. – С. 520–728.

Водовозов В.В. Революция // *Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А.* Энциклопедический словарь: в 86 т. Т. 26: Рабочая книжка – Резолюция. – Санкт-Петербург: Издательское дело, бывшее Брокгауз–Ефрон, 1899. – С. 436–439.

Волобуев П.В. 1905 год – начало революционных потрясений XX века в России // 1905 год – начало революционных потрясений в России XX века: Материалы международной конференции / ответственный редактор П.В. Волобуев. – Москва: [б.и.], 1996. – С. 7–14.

Гросул В.Я. Когда началась революция 1905 года? // *Российская история.* – 2016. – № 4. – С. 78–81.

Королева Н.Г. Первая российская революция и царизм. Совет министров России в 1905–1907 гг. – Москва: Наука, 1982. – 183 с.

Куликов С.В. Государственно-правовой дискурс, императорское правительство и думская оппозиция в начале XX века // *Власть, общество и реформы в России (XVI – начало XX в.).* Материалы научно-теоретической конференции (Санкт-Петербург, 8–10 декабря 2003 г.) – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет, 2004. – С. 283–311.

Ленин В.И. Детская болезнь «левизны» в коммунизме // *Ленин В.И.* Полное собрание сочинений: в 55 т. Т. 41. – Москва: Политиздат, 1981. – С. 1–22.

Первая революция в России: взгляд через столетие / ответственные редакторы А.П. Корелин, С.В. Тютюкин. – Москва: Памятники исторической мысли, 2005. – 602 с.

Розенталь И.С. Революция // Российский либерализм середины XVIII – начала XX века: энциклопедия / ответственный редактор В.В. Шелохаев. – Москва: РОССПЭН, 2010. – С. 789–792.

Скиннер К. Значение и понимание истории идей // Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории / составители Т. Атнашев, М. Велижев. – Москва: Новое литературное обозрение, 2018. – С. 53–122.

Соловьев К.А. В ожидании Реформы: власть и общество накануне января 1905 г. // Народ и власть: взаимодействие в истории и современности: сборник научных трудов. Вып. 2 / ответственный редактор И.В. Михеева, Ф.А. Селезнев. – Нижний Новгород: Растр, НИУ ВШЭ, 2015. – С. 353–365.

Соловьев К.А. Высшая бюрократия и общественное мнение в первую русскую революцию // Революционаризм в России: символы и цвета революции. 100-летию первой русской революции посвящается: сборник статей / ответственный редактор А.П. Логунов. – Москва: РГГУ, 2005. – С. 62–74.

Соловьев К.А. Концепция революции в кадетской публицистике 1905–1907 гг. // История государства и права. – 2017. – № 19. – С. 39–45.

Соловьев К.А. Революция обуславливается «слабостью защиты, а не силой нападения» // Российская история. – 2016. – № 4. – С. 73–78.

Черменский Е.Д. Буржуазия и царизм в первой русской революции. – Москва: Мысль, 1970. – 448 с.

Шартье Р. Культурные истоки Французской революции / перевод с французского О.Э. Гринберг. – Москва: Искусство, 2001. – 254 с.

Шелохаев В.В. Состояние современного историографического поля российского либерализма и консерватизма // На разные темы. – Москва: РОССПЭН, 2016. – С. 407–416.

Шелохаев В.В., Соловьев К.А. Кризис Российской империи как историографическая проблема // Российская история. – 2019. – № 2. – С. 142–157.

Ascher A. The Revolution of 1905. 2 vols. Vol. I: Russia in disarray. – Stanford, Cal.: Stanford University Press, 1988. – 412 p.

Harcave S. First blood. The Russian revolution of 1905. – London: The Bodley head, 1964. – 316 p.

References

Anan'ich, B.V., R.Sh. Ganelin, B.B. Dubentsov, V.S. Dyakin, and S.I.Potolov. *Krizis samoderzhaviya v Rossii. 1895–1917* [Crisis of Autocracy in Russia. 1895–1917]. Leningrad: Nauka, 1984. (In Russian)

Ascher, A. *The Revolution of 1905. Vol. 1. Russia in Disarray*. Stanford, Cal.: Stanford University Press, 1988.

Bul'st N., R. Kozellek, K. Maier, and I. Fish. “Revolyutsiya (Revolution), bunt, smuta, grazhdanskaya voyna (Rebellion, Aufruhr, Bürgerkrieg)” [Revolution, revolt, turmoil, civil war]. In *Slovar' osnovnykh istoricheskikh ponyatii: Izbrannye stat'i: v 2 t.* [Dictionary of basic historical concepts: Selected articles: 2 vols.], vol. 1, compiled by Yu. Zaretskii, K. Levinson, and I. Shirle, translated by K. Levinson, translation edited by Yu. Arnautova, 520–728. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2014. (In Russian)

Chartier, R. *Kul'turnye istoki Frantsuzskoi revolyutsii* [The cultural origins of the French Revolution]. Translated by O.E. Grinberg. Moscow: Iskusstvo, 2001. (In Russian)

Chermenskii, E.D. *Burzhuziia i tsarizm v pervoi russkoi revolyutsii* [The bourgeoisie and tsarism in the first Russian revolution]. Moscow: Mysl', 1970. (In Russian)

Grosul, V.Ya. "Kogda nachalas' revolyutsiya 1905 goda?" [When did the Revolution of 1905 begin?]. In *Rossiiskaya istoriya*, no. 4 (2016): 78–81. (In Russian)

Harcave, S. *First Blood. The Russian Revolution of 1905*. London: The Bodley Head, 1964.

Korelin, A.P., and S.V. Tyutyukin, eds. *Pervaya revolyutsiya v Rossii: vzglyad cherez stoletie* [The first revolution in Russia: a look after a century]. Moscow: Pamyatniki istoricheskoi mysli, 2005. (In Russian)

Koroleva, N.G. *Pervaya rossiiskaya revolyutsiya i tsarizm. Sovet ministrov Rossii v 1905–1907 gg.* [The First Russian Revolution and tsarism. The Council of Ministers of Russia in 1905–1907]. Moscow: Nauka, 1982. (In Russian)

Kulikov, S.V. "Gosudarstvenno-pravovoi diskurs, imperatorskoe pravitel'stvo i dumskaya oppozitsiya v nachale XX veka" [State-legal discourse, the imperial government and the Duma opposition at the beginning of the 20th century]. In *Vlast', obshchestvo i reformy v Rossii (XVI – nachalo XX v.). Materialy nauchno-teoreticheskoi konferentsii (Sankt-Peterburg, 8–10 dekabrya 2003 g.)* [Power, society and reforms in Russia (16th – the early 20th century). Proceedings of the scientific theoretical conference (St Petersburg, December 8–10, 2003)], 283–311. St Petersburg: Sankt-Peterburgskii universitet, 2004. (In Russian)

Lenin, V.I. "Detskaya bolezn' 'levizny' v kommunizme" ['Left-Wing' Communism: an infantile disorder]. In Lenin V.I. *Polnoe sobranie sochinenii* [Complete works of V.I. Lenin], vol. 41, 1–22. Moscow: Politizdat, 1981. (In Russian)

Rozenal', I.S. "Revolutsiya" [Revolution]. In *Rossiyskii liberalizm serediny XVIII – nachala XX veka: entsiklopediya* [Russian liberalism of the mid-18th – early 20th centuries: an encyclopedia], edited by V.V. Shelokhaev, 789–92. Moscow: ROSSPEN, 2010. (In Russian)

Shelokhaev, V.V. "Sostoyanie sovremennogo istoriograficheskogo polya rossiiskogo liberalizma i konservatizma" [The state of the contemporary historiographical field of Russian liberalism and conservatism]. In *Na raznye temy* [On different topics], 407–16. Moscow: ROSSPEN, 2016. (In Russian)

Shelokhaev, V.V., and K.A. Solov'ev "Krizis Rossiiskoi imperii kak istoriograficheskaya problema" [Crisis of Russian Empire as a historiographical problem]. *Rossiiskaya istoriya*, no. 2 (2019): 142–57. (In Russian)

Skinner, Q. "Znachenie i ponimanie istorii idei" [Meaning and understanding in the history of ideas]. In *Kembridzhskaya shkola: teoriya i praktika intellektualnoy istorii* [Cambridge School: Theory and Practice of Intellectual History], compiled by T. Atnashev, M. Velizhev, 53–122. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2018. (In Russian)

Solov'ev, K.A. "Kontseptsiya revolyutsii v kadetskoi publitsistike 1905–1907 gg." [Concept of revolution in cadet opinion journalism of 1905–1907]. *Istoriya gosudarstva i prava*, no. 19 (2017): 39–45. (In Russian)

Solov'ev, K.A. "Revolutsiya obuslavlivaetsya 'slabost'yu zashchity, a ne siloi napadeniya'" [The 'weakness of defense', not the 'strength of attack' determines a revolution]. *Rossiiskaya istoriya*, no. 4 (2016): 73–78. (In Russian)

Solov'ev, K.A. "V ozhidanii Reformy: vlast' i obshchestvo nakanune yanvaryaya 1905 g." [Awaiting reform: power and society on the eve of January 1905]. In *Narod i vlast': vzaimodeistvie v istorii i sovremennosti: sbornik nauchnykh trudov* [People and power: interaction in history and in

the present: collection of scientific papers], edited by I.V. Mikheeva and F.A. Seleznev, iss. 2, 353–65. Nizhny Novgorod: Rastr, NIU VShE, 2015. (In Russian)

Solov'ev, K.A. “Vysshaya byurokратиya i obshchestvennoe mnenie v pervuyu russkuyu revolyutsiyu” [Top bureaucracy and public opinion in the First Russian Revolution]. In *Revolutsionarizm v Rossii: simvoly i tsveta revolyutsii. 100-letiyu pervoi russkoi revolyutsii posvyashchaetsya: sbornik statei* [Revolutionarism in Russia: symbols and colors of the revolution. collected articles dedicated to the 100th anniversary of the First Russian Revolution], edited by A.P. Logunov, 62–74. Moscow: RGGU, 2005. (In Russian)

Vodovozov, V.V. “Revolutsiya” [Revolution]. In F.A. Brokgauz and I.A. Efron, *Entsiklopedicheskii slovar'* [Encyclopedic Dictionary], vol. 26, *Rabochaya knizhka – Rezolyutsiya* [Workbook – Resolution], 436–39. St Petersburg: Izdatel'skoe delo, byvshee Brokgauz–Efron, 1899. (In Russian)

Volobuev, P.V. “1905 god – nachalo revolyutsionnykh potryasenii XX veka v Rossii” [1905 – the beginning of the revolutionary upheavals of the 20th century in Russia]. In *1905 god – nachalo revolyutsionnykh potryasenii v Rossii XX veka: Materialy mezhdunarodnoi konferentsii* [1905 – the beginning of the revolutionary upheavals of the 20th century in Russia. Proceedings of the international conference], edited by P.V. Volobuev, 7–14. Moscow: [n.p.], 1996. (In Russian)

Сергей Сергеевич Новосельский

Кандидат исторических наук,
старший преподаватель

Российский государственный гуманитарный
университет

Москва, Россия

<http://orcid.org/000-0002-2449-125X>
novoselsky.rggu@gmail.com

Sergei S. Novosel'skii

Candidate of Historical Sciences,
Senior Lecturer

Russian State University
for the Humanities

Moscow, Russia

<http://orcid.org/0000-0002-2449-125X>
novoselsky.rggu@gmail.com